

С. С. Григорьева

Тверской государственный университет, 4 курс

Научный руководитель: д.ф.н. В. А. Миловидов

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПАРАДОКСА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕС ОСКАРА УАЙЛЬДА)

О парадоксе существует огромная литература, как в логике, так и в лингвистике, но к единой точке зрения относительно того, что такое парадокс, исследователи не пришли в силу того, что, как правило, рассматривали парадокс как структуру, не имеющую отношения ни к реальному акту коммуникации, ни к ее участникам. Стремясь понять суть парадокса, в данной работе было решено поменять точку зрения во взгляде на этот логико-лингвистический феномен и подойти к рассмотрению его онтологии через рассмотрение его функции. Другими словами, нас будет интересовать не «что есть парадокс», а «как парадокс работает». И тогда, через определение его функций, можно выйти на его суть.

В «работе» парадокса, а, строго говоря, в парадоксальном дискурсе как динамической и диалогической процедуре (о дискурсе как динамической диалогической процедуре см.: [Миловидов 2016: 13]) принимают участие как минимум двое – продуцент и реципиент парадоксального высказывания. Но если логику продуцента мы можем реконструировать лишь гипотетически, логика рецепции открыта любому аналитику. Следовательно, работу парадокса можно отследить на основе рецептивной фазы парадоксального дискурса.

Семантизация любого высказывания, в том числе и парадоксального, происходит последовательно, что обуславливается линейностью восприятия текста, как письменного, так и устного. Иногда, как в случае с парадоксом, понимание высказывания происходит уже за пределами физического контакта реципиента с высказыванием (отложенный эффект понимания).

Читатель, сталкиваясь с готовым высказыванием впервые, предполагает, что перед ним связный текст, логичная и корректная в лексико-синтаксическом отношении конструкция. Другими словами, он основывается на презумпции связности и целостности, презумпции текстуальности, инструментами которой будут когезия и когерентность. Когерентность предполагает понятийно-смысловую цельность текста (семантика), когезия – его языковую связность (синтактика). Данная презумпция позволяет реципиенту в логике вероятностного прогнозирования заранее выстраивать оптимальные понятийно-смысловые и языковые продолжения здесь и сейчас звучащего (читаемого) высказывания.

Парадокс нацелен, прежде всего, на презумпцию текстуальности, а эффект «обманутого ожидания» связан с психическим состоянием реципиента, при котором его предположения не оправдываются [Донгак 2001: 82].

Эффект «обманутого ожидания», в свою очередь, тесно связан со стереотипами. И. Ф. Бревдо пишет, что наше восприятие реальности происходит через стереотипы, они «контролируют обработку социальной информации», «направляют интерпретацию дискурса или ситуации» [Бревдо 1999: 63]. Стереотипы унифицируют, стандартизируют действительность, и реципиент семантизирует текст сквозь призму имеющихся у него в опыте стереотипов. Наличие таких стандартов в сознании человека и является «питательной средой» парадоксального высказывания, которое формирует свои эффекты при выходе реципиента за рамки стереотипа.

Таким образом, стереотипы и «обманутое ожидание» тесно связаны с парадоксальным высказыванием. Описать же его «работу» можно в терминах теории пропозиции и теории предикации. Наше предположение состоит в следующем: парадоксальный эффект базируется на конфликте лежащих в основе парадокса пропозициональных и предикативных структур – конфликте, который формируется в процессе рецепции и разрешается уже за физическими пределами парадоксального высказывания (когда парадокс выслушан или прочитан).

Но прежде рассмотрим соотношение терминов и понятий предикации и пропозиции, определив на основе этого рассмотрения свой рабочий инструментарий. Основная проблема, связанная с вопросами соотношения пропозиции и предикации, состоит в следующем: ряд исследователей, считая пропозицию семантическим инвариантом определенного набора высказываний, видят ее исходной точкой последних – в конкретных предикациях и реализуется пропозиция. Иная точка зрения видит исходной точкой высказывания именно предикацию, которая, будучи реализованной в высказывании, формирует пропозицию. Данные точки зрения не противоречат друг другу и описывают лишь две взаимосвязанные стороны единого процесса, который лишь по-разному акцентируется в разных аспектах дискурса – рецептивном и креативном.

Е.В. Падучева называет пропозицию «потенциальным концептом предложения, т.е. таким смыслом, который выражается в языке предикатной группой (предикатом, со всеми словами, служащими для заполнения его семантических валентностей)» [Падучева 1985: 36-37]. Вслед за исследователем мы также считаем, что пропозиция несет в себе идею, мысль, некое положение, и, следовательно, она отвлечена от языка и, пребывая в форме «концепта», когнитивного феномена, превербальна, не связана лингвистической формой. Также, в отличие от предложения, пропозиция не линейна, а становится таковой только при переходе к

предложению, когда получает то языковое выражение, которое необходимо для данного акта коммуникации. По мнению С. Д. Кацнельсона, переход от пропозиции к предложению происходит следующим образом: «Развёртывание предложения начинается с разбиения содержания пропозиции на подлежащее и группу сказуемого. Возведение одного из членов многоместного отношения в ранг подлежащего и, соответственно, низведение всех остальных до уровня "дополнений" к сказуемому, – таково непереносимое условие преобразования пропозиции в предложение» [Кацнельсон 1984: 8].

Мысли членятся с помощью предикатов, которые вместе со своими актантами образуют пропозиции, на основе которых формируются предложения. Получается, что пропозиция обуславливает содержание предложения, так как она является ядерной частью высказывания, в зависимости от которой происходит заполнение всех ячеек предложения [Кацнельсон 1984: 5-6].

Согласно Е.П. Денисовой, существует два вида предикаций: глубинная и поверхностная. По мнению А.А. Залевской, глубинная предикация представляет собой фундаментальное знание о взаимосвязях предметов и их свойств, которое служит опорой для поверхностной предикации (цит. по [Денисова 2013: 75]). В свою очередь поверхностная предикация позволяет формировать само предложение непосредственно, создавая его ядро, т.е. пропозицию. По количеству пропозиций поверхностную предикацию можно разделить на первичную (с одной пропозицией) и на вторичную (одна или несколько пропозиций помимо основной) [Денисова 2013: 75-76]. Из данного разделения видно, что глубинная предикация соответствует уровню абстрактного мышления, замысла, в то время как поверхностная предикация является воплощением этих мыслей в языке.

Опираясь на анализ всего вышесказанного, мы предлагаем следующую схему построения предложения (в том числе и парадоксального):

1) уровень пропозиции, на котором в сознании человека рождается идея, факт, образ, ещё не облечённые в словесную оболочку и потенциально чреватые широким разнообразием языковых воплощений, которые только может позволить себе конкретный язык (пропозиция как семантический инвариант);

2) уровень глубинной предикации, на котором происходит первичное предиктивное действие некоей внеязыковой ситуации, а именно отсеивание части языковых форм из всего круга потенциальных оболочек, для того, чтобы окончательное высказывание соотносилось с действительностью и было логически верным;

3) уровень поверхностной предикации, на котором глубинная предикация оформляется языковыми средствами по всем грамматическим

правилам данного языка, в итоге чего мы получаем корректное предложение, в центре которого находится одна или несколько пропозициональных форм.

Определив рабочий инструментарий, мы можем перейти к анализу парадоксального высказывания, к описанию процесса рецепции парадокса. Наша задача состоит в том, чтобы описать весь процесс рецепции поэтапно, т.е. проанализировать выявление, раскрытие реципиентом парадоксального эффекта в высказывании. Примеры для анализа взяты из пьесы О. Уайльда «Идеальный муж».

Пример 1. «*He has one of those terribly weak natures that are not susceptible to influence*». Данное сложноподчинённое предложение с придаточным определительным является синтаксически корректным и целостным (уровень когезии), и содержит в себе две части, а соответственно два предиката и две пропозиции. Опишем последовательность рецепции приведённого парадоксального высказывания.

Сначала реципиент сталкивается с главной частью сложного предложения и семантизирует первую предикативную структуру. На данном этапе мы говорим о семантизации поверхностной предикации, через которую мы переходим к семантизации глубинной. Другими словами, сначала наше внимание привлекает первая предикативная структура, после чего происходит выделение пропозиции (He has a weak nature).

Вместе с тем, данное высказывание не закончено, что реципиент понимает из наличия указательного местоимения *those* и союза *that*, вводящего придаточное определительное, из чего он осознаёт, что придаточная часть предложения распространит и конкретизирует информацию о натуре упоминаемого мужчины. Основываясь на главной части предложения «*He has one of those terribly weak natures, that ...*», реципиент продолжает читать высказывание и, одновременно, на основе презумпции текстуальности, подтвержденной фактом реализации механизма когезии, пытается сам достроить глубинную предикацию придаточной части (уровень когерентности): «*которые легко поддаются влиянию*» (негативная коннотация).

Следующий этап развертывания процесса рецепции – семантизация поверхностной предикативной структуры придаточного определительного «*are not susceptible to influence*» и построение второй пропозиции. Здесь и начинается «работа парадокса», так как данная предикативная структура и реализованная в ней пропозиция обладает коннотацией прямо противоположной к ожидаемой, а именно положительной.

Данные пропозиции являются контрадикторными, так как первая базовая предикативная структура обладает негативной коннотацией, а вторая – позитивной.

Несмотря на отношения контрадикторности на уровне понятийно-смысловом, высказывание – формально-синтаксически – вполне корректно, безупречно с точки зрения когезии её частей. На следующем этапе рецепции (в соответствии с нашим предположением, уже за «физическими границами» высказывания, в поле эффекта отложенного понимания) когезия начинает осуществлять взаимоналожение контрадикторных по отношению друг к другу пропозиций. Это взаимоналожение формирует макропропозицию, которая, с одной стороны, снимает семантику частей высказывания, взятых по отдельности, а, с другой, формирует новое семантическое целое, более высокого порядка. Слабость как признак актанта первой пропозиции и способность противостоять влиянию как признак актанта второй пропозиции оказываются в тождественной позиции, и их формальное тождество снимает и контрадикторность частных пропозиций, участвующих в формировании макропропозиции. Слабость становится тождественна силе, и наоборот.

Но семантическая суть макропропозиции не только и не столько в этом. Отождествление силы и слабости (добра и зла, прекрасного и безобразного – как это происходит в других парадоксах Уайльда) разрушает сами принципы категоризации, на которых основан мир художественных произведений Уайльда. Своими парадоксами он раскачивает основанные на стереотипах базовые характеристики этого мира, показывая их эфемерный, преходящий, не-истинный характер.

Пример 2. «*The simplicity of your character makes you exquisitely incomprehensible to me*». Данный пример который отличается от предыдущего тем, что парадоксальный эффект возникает на уровне только одной предикативной структуры, так как вышеприведённое предложение является простым.

Реципиент семантизирует первую часть предикативной структуры «*The simplicity of your character makes you...*», и сразу пытается достроить глубинную предикативную структуру второй части, а именно подбирает подходящие характеристики, которыми может обладать человек с простым характером. При этом при дальнейшей поверхностной семантизации реципиент сталкивается с противоположной ожидаемой лексикой «*...exquisitely incomprehensible to me*». В сознании человека существует шаблон, согласно которому простых людей легко понимать. Но автор разрушает такое общепринятое мнение и утверждает, что простого человека сложно понять. Данная мысль и является макропропозицией высказывания.

Вышеупомянутый шаблон является стереотипной пропозицией, которую автор изменил и тем самым создал эффект «обманутого ожидания». Вторую пропозицию мы можем восстановить также, основываясь на своём опыте: «Сложных людей тяжело понимать».

Предикаты и локутивные структуры данных пропозиций совпадают, за счёт чего становится возможным их взаимоналожение и формирование макропропозиции. Каждая из пропозиций не содержит в себе никакого противоречия и обладает логичным содержанием, но при их совмещении рождается парадоксальный эффект, так как термины «простой – непонятный» антонимичны по своей природе.

Стоит отметить, что перелокутивный эффект состоит не в том, что две пропозиции признаются одинаково верными или ложными, а в том, что происходит разрушение категориальных границ, т.е. границ между членами оппозиции.

Таким образом, смысл обеих пропозиций синтезируется, и происходит формирование нового смысла, новой макропропозиции, которая является качественно новой и сводится к признанию релятивизма принципа категориальности. Иными словами, если характер человека является простым, то это не гарантирует, что собеседник его поймёт, так как понимание зависит от слушающего, а не от говорящего. Следовательно, парадокс не содержит ошибки, а лишь разрушает стереотипное мышление человека.

В данном парадоксе мы выделяем сначала макропропозицию всего высказывания, а потом уходим в глубинную структуру для восстановления микропропозиций, которые лежат в её основе. Что касается первого примера с двумя предикативными структурами, то сначала мы выделяем две микропропозиции, после чего восстанавливаем макропропозицию из сложения двух имеющихся. Во втором случае парадоксальный эффект рождается за счёт противопоставления двух пропозиций, а в первом – за счёт их наложения и взаимозамены термов.

Получается, что в парадоксе две предикативные структуры, каждая из которых формирует свою пропозицию, сталкиваются внутри одного высказывания, рождая пропозицию более высокого уровня, обладающую парадоксальным свойством. В свою очередь эта новая пропозиция (макропропозиция) не содержит в себе логической ошибки, а только разрушает существующие принципы категоризации фактов и явлений, а также стереотипы, подчёркивая их относительность и зыбкость.

ЛИТЕРАТУРА

Бревдо И. Ф. Механизмы разрешения неоднозначности в шутке: дисс.... канд. филол. наук. – Тверь, 1999. – 171 с.

Денисова Е.П. Значение и смысл предикативного отношения (на материале русского, английского и немецкого языков): дисс. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2013. – 152 с.

Донгак С. Языковая игра и обманутое ожидание // Критика и семиотика. – 2001. – №3/4. – С. 78-84.

Кацнельсон С.Д. Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. – 1984. – №4. – С. 3-12.

Миловидов В.А. Семиотика литературно-художественного дискурса. – М.: Буки-Веди, 2016. – 172 с.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. – М.: Наука, 1985. – 271 с.

Уайльд О. Идеальный муж: книга для чтения на английском языке. – СПб.: КАРО, 2016. – 144 с.

Уайльд О. Как важно быть серьёзным: книга для чтения на английском языке. – СПб.: КАРО, 2016. – 192 с.